

Эссеистика, критика, рецензии

Открытое письмо

Знаменитого Козьмы Пруткова

Графу Льву Николаевичу Толстому

Редакционная ремарка:

Дорогие читатели, предлагая вашему вниманию сей, выполненный в эпистолярном жанре, литературный труд незабвенного Козьмы (Косьмы) Пруткова, считаем нужным предварить его краткой(?) редакционной ремаркой. Прежде всего – ни в коем случае не следует делать какие бы то ни было параллели с нашим временем. Как известно, великие времена рождают великих поэтов (чиновников, шорников, инквизиторов и проч.). А где они сегодня, позвольте вас спросить? Уже по-сему всякие параллели здесь более чем неуместны.

Сам Козьма Прутков считал себя даровитым поэтом. Но нам-то известна его особая форма скромности, заключающаяся в трезвой самооценке. Творческий путь Козьмы Пруткова являет собой замечательный пример того, как плодотворно может быть соединение литературного труда со службой в государственном учреждении. В данном случае – в Пробринной палате. Именно деятельность в качестве чиновника определила его гражданские позиции, сделала его перо острым, расширила его географические познания (читай «Письмо»). Несколько дополним здесь замечание (очень меткое!) самого Козьмы Пруткова в адрес своих братьев по перу: «Воображение современного поэта, удручённого горем, подобно ноге, заключённой в новый сапог». Вот к чему приводит отсутствие столь необходимого опыта работы в государственном учреждении! Именно – к абсурдной индифферентности, зацикленности лишь на собственных проблемах.

Как известно, у Козьмы Пруткова было три отца. Причём литературно-генетический анализ подтверждает отцовство каждого из них. Публикуемое ниже письмо наталкивает на мысль о появлении у него четвёртого отца – в лице московского поэта и прозаика Алексея Смирнова. Случай поистине уникальный! Ибо в повседневной жизни мы довольно часто сталкиваемся с примерами обратными этому: будущий отец, растворяется в воздухе задолго до появления ребёнка на свет.

В заключение хотелось бы напомнить о предостережении, оставленном Козьмой Прутковым всем нам, его поклонникам и просто читателям: «Щёлкни кобылу в нос – она махнёт хвостом». Будем же осторожны, господа!

От лица редакции ПМ – Виталий Штемпель

Ваше Сиятельство! Любезный граф!

Будучи чрезвычайно занят по долгу службы, а краткие часы досуга отдавая сочинительству, не имею возможности следить за новинками журналов и умонастроениями нашей литературной молодежи, коей несомненно принадлежите и Вы. Тем не менее, прислушавшись к поднятому вокруг Вашего имени шуму, не счел за труд пролистать тиснутые Вами в «Современнике» так называемые «Севастопольские рассказы».

Не скрою.

Как поэт и гражданин, не могу пройти молчанием сей пасквиль на русскую армию, на животворное значение войны вообще, а Крымской в особенности.

Война, как лесной или степной пожар, очищает место для нового буйства естественных сил природы. Она сметает всё отжившее, устаревшее, давая дорогу сильному и молодому. Она поднимает дух народа, рождает фронтовое братство.

Одряхлевший Турок еще хозяйничает на Балканах, но уже мечтает о Крыме. О том же Крыме мечтают и Англичанин с Французом, облизываясь на Польшу, загадывая про Чухню*. Пока Пруссия держит нейтралитет, его будет держать и Австрия. Но мы, Русские, не лыком шиты. Нам Балканы ближе, чем Турку, а черноморские проливы еще нужней.

И что же? В те дни, когда правительство в Петербурге, постоянно пекущееся о народном благе, мобилизует общество на смертельную схватку с врагами, сплотившимися против нас в единый союз, Вы, любезный граф, не владея ключом от взаимных связей правительственных мероприятий, а тожко близоруко наблюдая кровь и грязь вокруг себя на бастионах Севастополя, да разбирая мелкие интрижки ищущих отличия офицеров, осмеливаетесь возвести частности до непреложных истин, отражающих якобы суть войны.

Известно: «Не по частям водочерпательницы, но по совокупности ее частей суди об ее достоинствах». Это я сказал еще в 1842 году, а звучит, как сейчас.

Молодежь занеслась. Неуважение мнения старших. Безначалие. «Собственное» мнение. Да не было и не может быть никакого собственного мнения у людей, не удостоенных доверием начальства! Откуда такому мнению взяться? На что опереться? Уже говорят, что ежели где встретятся два человека с одинаковым мнением, то один из них лишний... Вздор! Скорее скажу: ежели встретятся два человека с разными мнениями, то лишние оба. Свободного времени разбираться, кто прав, кто виноват, не бывает. Мнение должно быть одно, и это мнение Высокого начальства.

Что скрывать? Мой боевой опыт не велик: два года мирной службы в гусарах, куда я был сдан родителем за сочиненную по недомыслию басню на приходского священника о. Иоанна Пролептова. Но велик мой опыт преданного сына Отечества, верного слуги государя. И никакие «Севастопольские рассказы» его не поколеблют! Тем более возмутительна Ваша, Лев Николаевич, позиция. Вы лично защищали Севастополь, командуя артиллерийской батареей, а позволяете себе поклепы на наше воинство, подробно освещая его потери.

Вы пишете: «Сотни свежих окровавленных тел людей, за 2 часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких надежд и желаний, с окоченелыми членами, лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мертвых в Севастополе; сотни людей – с проклятиями и молитвами на пересохших устах – ползали, ворочались и стонали, – одни между трупами на цветущей долине, другие на носилках, на койках и на окровавленном полу перевязочного пункта...»

Что Ваше Сиятельство рассчитывает получить, рисуя такие картины? К чему зовёт? Какого духа тешит на остывающем поле брани и близ него? Война не только трупы на полу часовни Мертвых. Война являет геройские подвиги солдат и матросов; офицеров и генералов. А где они у вас? Война возбуждает прекрасных дам. Их охватывает восхищение героями, гордость за наше непобедимое оружие. А где у вас это восхищение, эта пылкая страсть? Лишь раз Вы мельком упомянули о некоей Пупке – жене штабс-капитана, которая со слов «приличного человека из Петербурга», узнала, что при штурме Евпатории «у нас убито двести человек, а у французов до пятнадцати тысяч». По этому случаю Пупка «была в таком восторге, что кутила целую ночь». Вот достойный пример дамского патриотизма! Но Вы же, Лев Николаевич, приводите его саркастически, исполненные высокомерного презрения к верной дочери Отечества.

Почитаешь Вас – и можно подумать, что наша обокраденная с головы до ног армия воюет в стоптанных сапогах на босу ногу, по колено в грязи, из одного тщеславия да разве еще из чувства долга, которое, по Вашему замечанию, «особенно развито и сильно у людей недалеких»; что храбрость проявляют лишь те, кто уверены, что их все равно убьют, что это не более, чем храбрость фаталиста.

К чему Вы клоните, когда в горячке боя один русский офицер «убит осколком в середину груди»; другой, заколов штыком француза, тут же рапортует об этом командиру в ожидании награды; а третий, получив в лоб отскочившим камнем, остается в строю ради производства в майоры? А где, спрашиваю, бескорыстная отвага, осознанная преданность

государю, стойкость зрелых мужей? Один тщеславен; другой, по-Вашему, настолько глуп, что готов «пасть на поле брани за веру, престол и отечество»; третий – «ребенок без твердых убеждений и правил...» Какой положительный пример может извлечь юношество из Вашего опыта? Чему научиться?

Стыдно, Ваше Сиятельство! Стыдно и неблагородно!

У вас молодой офицер спрашивает старшего брата:

«Что, ты был когда-нибудь в схватке?»

«Нет, ни разу, – отвечал старший: – у нас две тысячи человек из полка выбыло, всё на работах; и я ранен тоже на работе. Война совсем не так делается, как ты думаешь, Володя!»

Только из одного полка две тысячи выбыло, не участвуя в сражениях, а просто на вспомогательных работах. Так Вы, Лев Николаевич, полагаете вдохновить молодежь, вселить в нее ратный дух?

Читая Вашу статью, я удивлялся, как редактор решился её представить, а г. цензор дозволил к напечатанию. Эту статью за насмешки над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя я бы не медля запретил, а корректурные листы оставил при деле.

Выход у Вас один. Полностью переработать текст, доверив его искусственному и благонадежному сочинителю. Будучи умудрен в поэзии и афоризмах, драматургии и законопроектах, я бы, как маститый литератор, взялся помочь Вам – начинающему писателю.

Смотрите, что могло бы тогда получиться. Возьмем ту же Пупку.

У Вас: «Вот Михайлов, – говорит она, – так это душа человек, я готова расцеловать его, когда увижу, – он сражается на бастионах и непременно получит Георгиевский крест, и про него в газетах напишут». Насмешка, Ваше Сиятельство, что еще как ни насмешка?

А теперь, смотрите, у меня: «Вот Михайлов, – говорит она, – так это душа человек, я готова расцеловать его, когда увижу, – он мужественно сражается на бастионах, он проливает кровь за государя и всю августейшую фамилию и непременно получит Георгиевский крест от отечески заботливого начальства, и про него в газетах напишут самые патриотично настроенные журналисты».

Согласитесь, Лев Николаевич, что правленная зрелым пером статья Ваша сильно прибавит в весе и встретит благосклонное участие влиятельных персон.

Наконец, Вы пишете, что герой у Вас все-таки присутствует, что Вы любите его «всеми силами души», что он «всегда был, есть и будет прекрасен», и что этот герой – правда.

А вот тут я и ловлю Вас на слове!

Чья правда?

Правда правительственных меморандумов – плод бессонных бдений целой школы чиновников, прошедших закалку в недрах министерств и ведомств, или правда новичка, открывавшего «пли!» на четвертом бастионе под встречными разрывами бомб, пущенных с французских батарей?

Правда правде рознь.

Для меня как человека системы, человека Министерства финансов, никакого вопроса тут нет. Стихийной правде частного лица я всегда предпочту выверенную правду высших государственных соображений.

С душевной преданностью и совершенным почтением
имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

знаменитый

Козьма Прутков**.

* Чухня (или чухонцы) – старинное прозвание прибалтийско-финских народностей, живших в Новгородских землях и в окрестностях Санкт-Петербурга.

** Передано медиумом **А. С.** в редакцию «Плавучего моста».

Примечание:

Алексей Евгеньевич Смирнов родился в Москве (1946). Окончил Московский химико-технологический института им. Д. И. Менделеева (1970). Поэт, писатель, историк литературы, переводчик. Член Союза писателей Москвы. Автор многих поэтических сборников, в том числе «Спросит вечер», М., 1987; «Дашти Марго», М., 1991; «Кораблик», М., 2007; «Зимняя канавка», М., 2012; «Избранное», М., 2016; «Марш-парад», М., 2023. Известен циклом книг, связанных с именем Козьмы Пруткова: Козьма Прутков: Жизнеописание. – СПб., Вита Нова, 2010. – 512 с.: 157 ил. – («Жизнеописания»). Прутковиада: Новые досуги / Рис. автора. – СПб., Вита Нова, 2010. – 128 с. Сочинения Козьмы Пруткова / Статья и примеч. А. Е. Смирнова; Ил. А. Н. Аземши. – СПб.: Вита Нова, 2011. – 592 с.: 60 ил. – (Фамильная библиотека. Читальный зал). Козьма Прутков. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 406 [10] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1309). Прутковская галерея / Рисунки автора. – М.: Новый Хронограф, 2023. – 152 с. Награжден Пушкинской медалью и Серебряной медалью Бунина. Лауреат Литературной премии имени Чехова. Постоянный автор ПМ.